

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

ПОЧЕМУ ВСЕ НЕ ТАК? (рассказ)

Наталья Симисинова, писательница,

г. Одесса, Украина

...Смешная это была троица. Израиль, Жорик и Гоша. Тем более, они частенько ходили вместе. Чаще всего- на Новый базар. Представьте : Израилью- за восемьдесят и все знали, что он- профессор, Гошка- практически алкаш, но с добрым испитым лицом, все звали его «Краевед», потому что он в прошлом преподавал историю в школе и изучал историю Одессы, ну и Жорик, их сосед по коммуне, которого они с детства за собой таскали- с четырех лет. Вначале вели за руки и боялись, чтоб не потерялся. Хотя Жорик очень быстро сориентировался в пространстве, знал, где находится дом. Да и все торговки- добрые женщины, сразу же приходили ему на помощь- усаживали рядом и чем-нибудь угощали- творожком со сливками, клубникой или вишнями. Знали, что минут через десять появится взъерошенный Гоша или стремительный с зоркими глазами профессор.

...Жорику недавно исполнилось восемнадцать и Израиль Зиновьевич в день рождения подарил ему книгу из своей библиотеки, о которой Жорик давно мечтал. « Маршал Жуков. Воспоминания и размышления.» Израиль Зиновьевич, как делал он это уже много лет, просто тихонько постучал в половине десятого утра в их дверь- и Жорик подбежал и открыл.

-Вот , Жорочка, я тебе принес подарочек. А потом давай-ка махнем в кафе, по пирожному съедим.

А потом пришел Гоша. И вот они уже сидят у профессора втроем и пьют с бубликами чай за здоровье Жорика. Гоша все время порывается сбегать за шкаликом, но Израиль нежно его останавливает. Наконец, Гоша вырывается и возвращается с гитарой. Начинается любимый всеми Высоцкий. Потом заглядывает Танечка- Жорикина мама.-

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

-Танечка, идите к нам.

Таня торопливо пьет чай- ей на работу бежать. Но какое-то время сидит со светлым, хоть и уставшим лицом.

Израиль Зиновьевич и Гоша- лучшие Жорикины друзья. Так получилось. Они всю жизнь прожили в одной коммуне. И вся Жорикина жизнь прошла у них на глазах. И уж тем более, когда Таня развелась и они с Жориком остались вдвоем, а она все время на работе, а Израиль уже давно на пенсии, то он , конечно же и кормил его обедом и чаем поил , а потом присоединялся Гоша и они шли «в город»-так это называется в Одессе. Это Израиль показал Жорикю все одесские дворы и переулки. А Гоша научил внимательно смотреть под ноги и подбирать всякие необыкновенные вещи: старинные монетки, какие-то металлические коробочки из-под чая или монпасье. Водил его на Староконный, где кроме живности, возле которой Жорик мог стоять часами, слушая продавцов попугаев, голубей, рыбок, щенков, Гоша водил его по рядам старьевщиков, прививая вкус к одесской старине. И про все улицы рассказал. И по музеям водил. Ну, а Израиль, естественно, книжки читать давал- читай сколько влезет. А так как , Израиль- профессор и все время пишет книжки по педагогике и быстрому чтению, то он и Жорика научил читать и схватывать содержание мгновенно. И читать и считать. Потому Жорик стал первым в классе, а потом и во всей школе. А после уже пошли олимпиады в других городах. И сейчас Жорик учится на физфаке на астрономическом отделении. Смешно- их всего десять человек на отделении. На весь мир- тысяч восемь астрономов. Но такое впечатление, как говорит профессор Алексеевский, что астрономия никому не нужна на Украине. Жорик пока не очень вникает в жизнь Украины. Он страшно увлечен звездным небом. Собственно, он увлечен им с детства, когда тот же Израиль как-то летним вечером , когда они были втроем на море и пока Гоша ловил мидий на ужин, показал ему первую звезду, появившуюся на

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

еще светлом небе . Смотри, Вега, -произнес он странное слово. И добавил в восторгом еще более странное: Главная звезда в созвездии лиры, по-астрономически-Альфа Лиры!!!

Вега сияла ровным и сильным блеском. И ее лучи дрожали и переливались, словно она ими помахивала ...

....Израиль и тогда уже казался Жорику(когда он начал осознавать это) очень и очень старым. А теперь уж и вовсе иногда ему просто страшно смотреть на него-впечатление такое , что вот-вот рассыпется. Израилю было восемьдесят пять сейчас...И Жорик, беспрестанно думавший о жизни и смерти, очень сильно переживал, понимая, какой Израиль древний и ему казалось, что умереть тот может в любую секунду...

...Хотя...Хотя Израиль был очень быстрый в движениях и в мыслях. Он по-прежнему писал свои книги, бегал на рынок, к нему продолжали приходить люди. Он освоил компьютер и разрешал Жорику, пока тот не купил себе свой, заходить и пользоваться.

...И Израиль , и Гоша жили не очень богато, бедно жили, можно сказать- впрочем, кто сейчас живет богато. И Жорик с матерью, которая работала всю жизнь библиографом в Горьковке и получала гроши во все времена, тоже не раскошествовали. Поэтому Жорик как только поступил, стал искать возможность подрабатывать. А так как он был маленький компьютерный гений, то к нему стали приходить за помощью люди со всех сторон...

И так они потихонечку выживали вчетвером в своей крошечной коммунальной квартире на Торговой: Израиль , Гоша и Жорик с мамой...

Только лицо у Израиля становилось все расстроеннее и расстроеннее , и неуверенности много появилось в движениях- и не от старости, а оттого, что происходило в жизни вокруг. А Гоша иногда покупал шкалик и запирался, чтоб выпить тихо и никого не тревожить. Зато под настроение или на праздники, Израиль отваривал картошечку , Таня делала любимый

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

всеми форшмак, которому ее научила Роза Абрамовна- покойная жена Израилья. Настоящий еврейский форшмачок: селедочка, белая, вымоченная в молоке булочка, сливочное масло, зеленое яблочко...

Обязательны были все советские и военные праздники. День Победы, День освобождения Одессы, окончания Сталинградской битвы. Потому что Израиль трижды горел в танке под Сталинградом...И была у него в запасе замечательная история, которую Жорик слышал уже раз двадцать, но все время просил рассказать еще раз, так она его завораживала.

...Он всякий раз переживал ее заново, ему снился в детстве по ночам ее сюжет, он видел эту огромную черную воронку, в которую из горящего танка скатился молодой Израиль. Он лежал там всю ночь и ловил запекшимися губами дождь. А потом услышал стон и пополз на него. Стонал тяжелораненый и находящийся в предсмертном бреду немецкий офицер. Враг. Но Израиль пролежал всю ночь рядом и держал его за руку. Всякому человеку ведь страшно умирать. Переходить на тот берег... А под утро, очнувшийся на несколько минут немец увидел его и попросил(Израиль хорошо знал немецкий)- взять его библию, сохранить и если Израилю удастся выжить в этой войне- передать ее родным немца. Это была предсмертная просьба человека и Израиль не мог ее не выполнить. Он вытащил маленькую Библию из-за пазухи немца, ее углы были окровавлены, и спрятал у себя на груди... Жорик помнил, что хранить немецкую библию было опасно, тем более в госпитале, куда попал подобранный нашими Израиль. Но чудом удалось ее спасти. А потом...- А потом, подхватывал Жорик- он мог продолжать историю с любого места,- вы ее еще очень долго прятали, пока не закончилась холодная война. А потом вы познакомились с немецким послом совершенно случайно и все ему рассказали. И через несколько месяцев пришло приглашение посетить Германию от самого Герхарда Шредера-он был тогда канцлером...И вам

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

удалось передать эту библию родным погибшего под Сталинградом немца...

...Апофеозом всех их посиделок, было непереносимое пение под Гошину гитару песен военных лет и обязательной точкой- хором, любимую всеми тремя песню Высоцкого «Почему все не так? Вроде все как всегда:

То же небо -опять голубое,

Тот же лес, тот же воздух и та же вода,

Только он не вернулся из боя...»

- Почему все не так,- закричал взрывной и уже выпивший Гоша, ударив кулаком по столу.- Почему, Израиль, и скажи мне , откуда они все повылазили... Я не могу ходить по городу, расписанному черной свастикой... Я не могу жить в городе после второго мая...Не могу ни купаться, ни ловить бычков, ни смотреть на лица...Очень много быдла ходит по городу, Израиль...Я бы уже давно ушел в партизаны...Но где они и шо делать... -очень горько спросил их Гоша.

-Но мы все равно пойдем 10 апреля на Аллею Славы,- сказал Израиль. И с сомнением посмотрел на Жорика.

- Я обязательно пойду с вами,- подтвердил тот.

... Город стал другим и характер его изменился. Из веселого и взбалмошного южного города, он превратился в испуганного тихоню. Прошел уже почти год с прошлого десятого апреля- годовщины освобождения от фашистов и приближалась страшная годовщина второго мая... А город притих и затаился. И стал на себя не похож. Да и погода сошла с ума. Словно кто-то , там , наверху , тоже был недоволен поведением горожан, спрятавших голову под крыло. И насылал на них то снег, то дождь, то солнце, то дикий холод.

А жители и правда, ходили, как пришибленные. Половина, как пришибленные, половина- делали вид, что жизнь продолжается и надо несмотря ни на что урывать от нее все. Работали дискотеки и ночные

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

клубы, по телевизору шли бесконечные развлекательные шоу, мажоры продолжали рассекать улицы на дорогих машинах, из раскрытых окон которых неслась неприлично громкая музыка.

И вообще, все, что происходило в городе неприятно резало тонкую душевную организацию настоящих одесситов. И хохочущий молодняк, и празднующая по улицам публика. И последнее второе апреля- когда на Куликовом, как всегда собралась горстка тех, кто помнил эту дату и приходил к мемориалу- к фотографиям погибших. И человек пятьдесят нациков, стоявших за цепью милиционеров. Таких же людей как будто: с головами, руками, ногами... С лицами...Но пришедших специально, чтобы оскорбить память и поиздеваться. Они прыгали, корчили рожи, орали «Слава Украине и Смерть врагам!»..А потом взявшись за руки, образовали круг и стали кричать «Гори, гори ясно, чтобы не погасло»- намекая на прошлогодний огонь страшный, в котором сгорело много людей. Израиль не был там и слава Богу не видел этих плясок. А Жорик был, потому что в огне погиб его друг и сокурсник Сережа (Жорик совершенно случайно не оказался в тот день рядом с ним) и теперь он поддерживал за локоть Наталью Васильевну- Сережину маму, которая склонилась над фотографией и слезы текли по ее лицу... А те кретины и сволочи скакали рядом в двадцати метрах и Жорику хотелось стать огромным и всемогущим и наказать их всех...Или уйти в партизаны...Поиском выхода на партизан он занимался уже несколько месяцев...

... Отмщения хотело слишком много людей. Полстраны и полгорода. Которые до этого жили, работали, растили детей, мечтали о будущем, строили планы, собирались поехать в отпуск ...и вдруг та жизнь оборвалась. Без объявления войны. Без сообщения Соинформбюро...Без самолетов со свастикой, долетевших ночью до Киева...И наступила другая совсем другая, нерадостная жизнь.. После победы, одержанной нацистами на Майдане. И вот уже весь город увешан призывами бороться с

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

сепаратистами и указаны телефоны, по которым нужно звонить в случае их обнаружения...И вот люди уже начинают оглядываться на улицах, прежде чем начать разговаривать со знакомыми при встрече...И вот уже запретили русские сериалы на ТВ и вообще закрыли российские каналы... И начались уже увольнения людей, замеченных в антиукраинских настроениях...И рассказывают уже об обысках в квартирах...А чего ищут. Взрывчатку? А какую взрывчатку можно было найти у семидесятипятилетней бывшей преподавательницы вуза. Взрывчатку не нашли, но двадцать тысяч гривен, собранных на смерть, странным образом пропали...И вот страшно уже стало жить...И боишься утреннего звонка в дверь... И на фейсбуке правая сволочь уже написал : попробуйте только рыпнуться и явиться 10 апреля на Аллею славы...Пожалеете... А что им противопоставить, если их поддерживает власть и у них- биты, которыми они забивали людей до смерти на Куликовом поле... Люди же, которые собираются прийти , в основном, кто? Беспомощные ветераны, которых остался мизер... Старики, пенсионеры...Совки, одним словом...Те, которые-«Мой адрес –не дом и не улица, мой адрес- Советский союз...», и продолжают рассказывать сказки о самом справедливом обществе...

...Наступило утро десятого апреля. Уже в восемь утра Израиль был готов. Он стоял у окна в выходном сером костюме и барабанил пальцами по стеклу. Получалось «Вставай, страна огромная...» Когда постучал Жорик, Израиль обернулся и Жорик увидел все свои , с детства любимые и много раз держанные в руках ордена и медали. Тут и два Боевого Красного Знамени, и медаль «За боевые заслуги», и «За отвагу», и «За оборону Сталинграда», и «За оборону Киева» и «За освобождение Праги».....

-Жора, я бы просил тебя не ходить сегодня,- сказал Израиль как-то неуверенно...

-Нет, я пойду.

Тут же всунул голову в дверь Гоша. Он был побрит и свеж. В

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

приличном костюме. На лацкане была пристегнута георгиевская ленточка. И у Жорика тоже- на свитере.

Потом вошла Таня.

-Я иду с вами.-

-Ну что ж,- вздохнул Израиль.

До парка пешком было минут сорок. Они шли по Садовой, потом вышли на Дерibasовскую. Люди останавливались и смотрели им вслед. Многие присоединялись. На ходу цепляли ленточки. Когда они подошли ко входу в парк со стороны Канатной, Жорик оглянулся - приличная толпа шла за ними. И были в ней не только старики. Кстати, все ветераны, а их было всего-то человек двадцать, шли вместе с Израилем в первых рядах. Появилось несколько красных знамен. Ветер трепал их.

-Это знамена Победы, все правильно,- сказал Израиль. Он как-то сразу стал самым главным. Он вел маленькое войско к памятнику Неизвестному матросу.

Присоединялись молодые крепкие парни, курившие на тротуаре. – Отцы, мы с вами!

Гоша расчехлил гитару.

Зазвучали гордые и сильные аккорды.

-Вставай, страна огромная,- начал петь он несильным своим голосом. Толпа сразу же подхватила...

Звуки неслись над улицей и люди расправляли плечи и стали идти гордо.

Людей становилось все больше и больше. Они выбегали из дворов и подъездов.

Закончили «Страну огромную», начали петь «Алешу»...

Гоша шел рядом с Израилем и страшно гордился собой.

Появились милицейские машины.

Стали появляться небольшие группки парней в балаклавах и

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

спортивных костюмах.

Вот уже виден памятник и люди возле него.

...Когда до Вечного огня осталось совсем немного, вдруг из боковой аллеи начала выкатываться темная и злая толпа с битами. Стало вдруг тихо и слышно было, как шелестят акации. На секунду Гоша замолчал, а потом ударил по струнам :-

-Почему все не так? Вроде все, как всегда:

То же небо- опять голубое,

Тот же лес, тот же воздух и та же вода,

Только он не вернулся из боя.

Черная толпа ворвалась в самую середину колонны.

Гоша тем временем вел всех на ступеньки прямо к Памятнику.

Сзади слышались крики и стоны. В это самое время из-за Памятника вдруг вышли трое бойцов с автоматами Калашникова в руках. Они были одеты не празднично- в ватниках и теплых ватных штанах.

Гоша упорно продвигался к ним

-Наши мертвые нас не оставят в беде...

Наши павшие как часовые...

Парни в ватниках неожиданно подняли вверх автоматы и выстрелили над головами.

Толпа ахнула и остановилась. Израиль, ветераны старики с палочками, Гоша, Жорик, уже стояли на ступеньках у Вечного Огня и повернулись лицом к происходящему. К ним подвигались люди из колонны.

Парни в балаклавах оказались в середине колонны. Их было человек сорок. Они , так же , как и все остальные, ничего не понимали. Но было ясно, что они чего-то боятся.

К Израилю подошел один из трех бойцов. Он посмотрел на его ордена.

-Отец, что тут происходит?

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

-Да вот фашисты борются с народом.

-Как фашисты? Мы ж победили их

-А они опять повылазили из нор. Видать не до конца со всеми расправились..

Из Западной Украины понабежали...Террор устроили народу...

-Это ж Одесса, отец.

Да, Одесса. 2015 год. Семьдесят первый год со дня Победы.

-Ты где воевал, батя?

-Под Сталинградом, под Киевом, под Москвой. Мы победили, ребята тогда. Я понял откуда вы.

-Да , мы из 44-го. И понимаем, что пришли вовремя. Нужна наша помощь.

Нас много здесь.

..И тут из-за памятника стали выходить бойцы. Словно открылись ворота. Огромные, широченные. И они все шли и шли...

Парни в балаклавах были окружены. Они вдруг оказались маленькой, несчастной кучкой. Побросали биты, подняли руки...Их гнали через весь город...Попутно заходя в санатории и вытаскивая балаклав оттуда...Их находили в подворотнях, в их штабах, в здании обл администрации...И вот уже темную толпу ведут по дороге, и они бредут и ноги у них заплетаются, и воды они просят попить, и местные жители выносят им и с ненавистью дают им напиток. А потом плюют им вслед.

И вот уже один город освобожден, и второй, и третий, и на Киев часть пошла, и дальше- на Запад...

...Странно. Но в Одессе сразу же после их ухода началась буйная весна. Враз зацвели каштаны и акации. Словно природа торопясь, наверстывала упущенное...